

УДК 902/903

В. И. Молодин^{1,2}, Л. Н. Корякова³, Л. Н. Мыльникова^{1,2}, А. В. Епимахов³

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

³ *Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия*

*Molodin@archaeology.nsc.ru; Ludmila.koryakova@usu.ru;
Mylnikova@archaeology.nsc.ru; Eav74@rambler.ru*

КОМПЛЕКСНЫЙ ПРОЕКТ «КУЛЬТУРА, СОЦИУМ И ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (УРАЛ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)» *

Приводятся основные результаты работы, полученные коллективом ИАЭТ СО РАН и ИИА УрО РАН, реализовывающих проект в рамках Программы фундаментальных исследований совместно с организациями СО и ДВО РАН, государственных академий наук России, национальных академий наук стран СНГ, отраслевых академий и финансируемых из средств Сибирского отделения РАН и Уральского отделения РАН. Главная цель исследований – реконструкция динамики культурогенетических и социальных процессов на территории Урала и Западной Сибири, исследование направлений, форм миграций и взаимодействия внутри культурно-исторических общностей в эпоху палеометалла. Теоретические и историографические исследования касались оценки современного состояния историко-культурного подхода в археологических исследованиях в России и за рубежом. Контекстуальный и статистический анализ проводился в отношении конкретных материалов бронзового и раннего железного веков. Проблема возникновения и длительного существования дальнедистанционных связей решалась на базе анализа памятников бронзового века и изучения ресурсной базы функционирования социумов. Полученные по всем направлениям выводы нашли отражение в публикациях различного характера и представлены в виде докладов на конференциях. В рамках проекта был организован и проведен Всероссийский научно-практический семинар «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)» 11–14 ноября 2013 г. в г. Челябинск. Работа семинара и дискуссия, развернувшаяся на нем, продемонстрировали актуальность данной проблематики и полученных в ходе ее исследования результатов. Некоторые из результатов проекта подготовлены к печати в данном выпуске журнала.

Ключевые слова: Урал, Западная Сибирь, эпоха бронзы, ранний железный век, культура, человек, социум, поселения, погребальные памятники.

В 2012–2013 гг. коллектив специалистов Института археологии и этнографии СО РАН и Института истории и археологии УрО РАН проводил совместные исследования в рамках интеграционного проекта «Культура,

социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)». Эти работы можно считать продолжением изысканий 2009–2011 гг. по проекту «Культурная вариативность на памятниках Урала и Запад-

* Работа проведена в рамках Программы фундаментальных исследований, выполняемых совместно организациями СО, УрО и ДВО РАН, государственных академий наук России, национальных академий наук стран СНГ, отраслевых академий, и финансируемых из средств СО РАН и УрО РАН в 2012–2013 гг.

Молодин В. И., Корякова Л. Н., Мыльникова Л. Н., Епимахов А. В. Комплексный проект «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 27–43.

ной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа».

Главная цель исследований 2012–2013 гг. – реконструкция динамики культурно-генетических и социальных процессов на территории Урала и Западной Сибири, исследование направлений, форм миграций и взаимодействия внутри культурно-исторических общностей в эпоху палеометалла.

В основу работы положены результаты мультидисциплинарного подхода к изучению археологического источника на всех уровнях его исследования.

Полевая работа базировалась на комплексной археолого-геофизической программе, которая была успешно апробирована в течение ряда лет на поселенческих и погребальных памятниках Западной Сибири, Урала, Российского и Монгольского Алтая, а также на изучении памятников сплошной площадью.

Коллектив ставил перед собой следующие задачи:

- оценка эвристической ценности существующих концепций изучения культуры и общества, формулирование методологических подходов применительно к археологическим памятникам Урала и Западной Сибири;
- выявление факторов и компонентов процесса культурогенеза в эпоху палеометалла на обозначенной территории;
- определение особенностей культурной адаптации к природным условиям Урало-Западносибирского региона, вычленение региональных и локальных черт;
- магнитометрия и электромагнитное зондирование базовых памятников Барабы (Тартас-1, Венгерово-2, Старый Тартас-5) и Урала (укрепленные поселения синташтинской культуры), диагностика и идентификация археологических памятников геофизическими методами;
- контекстуальный и статистический анализ погребальных памятников;
- проведение проблемно-ориентированных полевых, комплексных, мультидисциплинарных исследований археологического материала и создание исторических реконструкций на базе материалов эталонных микрорайонов (например, Венгеровский археологический микрорайон);
- изучение материалов отдельных памятников, археологических культур и традиций, реконструкция моделей социально-экономического развития локальных регионов в разные периоды эпохи палеометалла;

- реконструкция социально-экономических процессов в эпоху ранней бронзы на территории Урала и Западной Сибири с выявлением черт производящей экономики;

- анализ проявлений изменчивости в культурах эпохи бронзы, связанных с процессами миграций, выявление инноваций, определение путей и механизмов их распространения, особенностей адаптации носителей культур к изменениям климатических и ландшафтных условий;

- определение объема, направления и тенденций развития, внутренняя вариативность производственных процессов и направления адаптации пришлого населения;

- картографирование импортных изделий, статистическая обработка, выделение основных категорий вещей поступившего импорта, выявление «моды», «стиля» эпохи;

- выделение базовых мировоззренческих установок и социальной организации общества на основе комплексного изучения святилищ, некрополей (ранний железный век – Средневековье).

Полученные результаты планировалось обсудить на совместном семинаре по теме проекта.

Работа, как и в рамках предыдущего проекта, была организована по блокам, соответствующим хронологическим периодам, а также по локальным районам Урало-Сибирского региона. В данном вводном очерке мы коснемся некоторых из них, полученных коллективом в ходе исследований по проблематике проекта.

Блок 1 посвящен культуре и социуму – их соотношениям и отражению в археологическом источнике, фактору культурной изменчивости.

К настоящему времени мировая археология приобрела значительный опыт исследования различных аспектов жизни прошлой действительности. Например, очень важно для археолога понимание того, как остатки материальной культуры могут отражать социальные структуры и отношения в древности. Предметный мир (артефактный комплекс), создаваемый древним человеком, является средством своеобразного «одомашнивания» окружающей среды, будучи в то же время компонентом адаптационного механизма, вырабатываемого обществом. Одни и те же категории материальной культуры, в особенности связанные с экономической сферой, могут соотноситься с раз-

личными уровнями социальной организации разных хронологических периодов. В их интерпретации важную роль играет контекст: локальный, региональный и эпохальный. Археология фиксирует процесс развития общества по изменениям в культуре. Поэтому выявление факторов, вызывающих смену культурных стереотипов во времени и пространстве, чрезвычайно важно. Установлено, что наиболее сильное влияние на социальное «созревание» общества оказывает технико-экономический фактор, дополняемый взаимодействием с другими обществами и культурами. Кроме общих аспектов тематики блока разрабатывались теоретические аспекты археологии поселений, в частности, археологии домохозяйства (household archaeology). Это предусматривало детальное изучение археологического контекста построек, хроностратиграфическое распределение предметов материального комплекса в плане отражения в нем различных видов деятельности обитателей поселений. Работа велась и продолжается на материалах поселения первой половины II тыс. до н. э. Каменный Амбар.

Теоретические исследования касались также культурно-исторического подхода, который прочно сохраняет свои позиции в археологии, позволяя учитывать многообразие хронологических и ареальных вариаций культуры, фиксируя их археологическими средствами. Именно в русле культурно-исторических концепций решаются проблемы культуругенеза, смены культур и их взаимодействия. Для выявления факторов, предпосылок формирования и стабильного доминирования культурно-исторических концепций в отечественной археологии было проведено историографическое исследование.

Данный подход берет начало в XX в., когда в Центральной и Восточной Европе (в Германии, в частности) наступил кризис эволюционизма и исследователи потеряли интерес к универсальным законам. На данном этапе большую роль в формировании концепции культуры (культурного типа), как единицы изменчивости, преемственности и этнической наполненности, играл Р. Вирхов [Клейн, 2011]. В это же время закладывались основы таких присущих культурно-исторической школе концепций, как миграции, диффузии, культурные круги, возрасты и циклы культур [Ratzel, 1882–

1891; Фробениус, 2012]. Разнообразие культурных традиций у аборигенных народов Австралии (Ф. Гребнер) и Африки (Л. Фробениус) было показано этнографами [Токарев, 1978].

Особый этап в становлении культурно-исторического подхода связан с германским миграционизмом (С. Schuchhardt, Г. Kossinna), когда история культур стала рассматриваться как этническая история. В начале XX в. сформировалось классическое выражение одной из главных тенденций развития археологической науки – рассмотрения развития культуры как развертывание в пространстве и выявления биологических особенностей за социальными факторами развития. Г. Коссинна ввел определение культуры как одной из основных дискретных единиц археологического материала [Клейн, 2011]. Как известно, понятие «археологической культуры» (АК) пережило несколько драматических моментов в своей истории; например, АК иногда прямо отождествлялась с каким-либо народом и использовалась для политических и националистических целей. Г. Чайлд определял АК как повторяющийся набор остатков: посуды, орудий труда, украшений, погребального ритуала, форм жилища [Childe, 1929]. Он сконденсировал данные о тысячах артефактах, изготовленных и использовавшихся определенными группами людей в определенное время, в культурные ансамбли. Эти культуры стали строительными блоками доистории. Позже системный подход к культуре, предложенный Д. Кларком [Clarke, 1968], сыграл важную роль в развитии инструментария археологии, в частности, в определении таких понятий, как «археологический объект», «тип», «ансамбль», «культурная группа», «культура», «технокомплекс». Его стратегия моделирования помогла лучше осознать тот факт, что связи между прошлой культурой и археологическим материалом сложны, а археологическое исследование это не что иное, как их непрерывное моделирование [Clarke, 1972]. Сформировавшийся в то же самое время в географии географический или позже – экологический подход во многом повлиял на становление процессуальной археологии и междисциплинарной парадигмы, которая в настоящее время играет большую роль в археологии, включая археологию Урала и Западной Сибири. Однако ее сочетание с культурно-

историческим подходом не очевидно и требует отдельного внимания.

Следует отметить, что в арсенале исследователей появляется все большее количество разнообразных методов, которые позволяют существенно расширить имеющиеся представления и открыть новые аспекты жизни древнего населения. Одним из активно развивающихся направлений является биоархеологический подход, оформившийся в русле палеопатологического направления [Larsen, 1997; Zuckerman, Armelagos, 2011]. В то же время современные теории социального развития нацелены на изучение идентичности, анализ проявлений которой немалым без данных биоархеологии [Knudson, Stojanowski, 2008]. В науках о человеке понятие идентичности имеет три основные модальности идентичности: психофизиологическую, социальную и личную [Кон, 2006. С. 193]. Современная культурная антропология и археология изучает преимущественно социокультурную (переживание и осознание своей принадлежности к тем или иным социальным / культурным группам) [Шарапова, 2012а] или ин-групповую идентичность, в терминах социальной психологии [Lewandowsky et al., 2013].

Блок 2 – это анализ культурогенетических процессов на территории Урала и Западной Сибири в эпоху палеометалла.

В рамках заявленной программы по данному блоку работы велись по ряду направлений. Так, было завершено формирование базы радиоуглеродных анализов для территории от Поволжья до Западной Сибири включительно для периодов от неолита до конца бронзового века. В результате для неолита и энеолита установлена синхронность ряда керамических традиций, считавшихся ранее последовательно существовавшими. Хронология энеолитических памятников Зауралья по имеющимся датировкам частично синхронизируется с ямными древностями. В то же время бытование последних не выходит за пределы середины III тыс. до н. э. Хиатус между ними и началом поздней бронзы (абашевско-синташтинский период) не заполнен. В лесной зоне есть группа торфяниковых памятников третьей четверти III тыс. до н. э. [Chairkina et al., 2013], однако она явно демонстрирует самостоятельную линию развития.

Основу барабинской шкалы составили данные, полученные в лаборатории геоло-

гии и палеоклиматологии кайнозоя ИГиМ СО РАН. Эти результаты были проверены в пяти других лабораториях, из которых 4 зарубежные (в том числе 3 – AMS). Значительное количество ^{14}C определений ($> 30\%$) для культурно-хронологической шкалы Урала–Зауралья выполнено в зарубежных AMS-центрах. Обе шкалы находятся еще в стадии формирования, пока не все культуры обеспечены достаточным количеством дат, необходимых для проведения математических статистических процедур по уточнению возраста отдельных памятников и хронологии культур.

В результате сравнительного анализа было выявлено, что усть-тартасская культура эпохи раннего металла Барабинской лесостепи синхронна ямной культуре на Урале на всем ее протяжении в рамках XXXIV–XXV вв. до н. э. Однако необходимо отметить, что дат по усть-тартасской культуре еще недостаточно, поэтому на данный момент ее хронология определяется в очень широком диапазоне, а именно серединой V – серединой III тыс. до н. э.

Для ранней бронзы Урала – Зауралья и Барабинской лесостепи наиболее ранними являются культуры Барабинской лесостепи – кротовская (Сопка 2/4 Б) и первый этап одиновской (Сопка 2/4 А). Они датируются в рамках первой половины III тыс. до н. э. Доандроновские комплексы лесного-лесостепного Зауралья более поздние – в рамках третьей четверти III тыс. до н. э. Хронология ташковской культуры лесной полосы Зауралья не исключает ее синхронного существования с синташтинскими и сейминско-турбинскими комплексами.

Наиболее вероятная хронология комплексов с сейминско-турбинским металлом в Барабинской лесостепи находится в пределах XXII–XXI/XX вв. до н. э. Это не противоречит хронологии сейминско-турбинских комплексов в Зауралье (XXII–XVI вв. до н. э.). Кроме того, этот пласт памятников синхронен абашевско-синташтинскому горизонту (XXII–XVII и XXI–XVIII вв. до н. э. соответственно).

Дополнены серии датировок ряда культур, в том числе за счет базового объекта полевых исследований в Зауралье (микрорайон Каменный Амбар), где были отобраны новые образцы для радиоуглеродного анализа наиболее принципиальных объектов. В результате удалось уточнить хроно-

логию этапов поселения и реконструировать сложную картину формирования культурного слоя. Установлена хронологическая неоднородность ранней фазы (период функционирования системы фортификации), для которой не только задокументировано наличие серьезных перестроек, но и диагностирована принципиальная разнородность южной и северной частей поселения, разделенных линией рва и стены. Пересмотрена культурная атрибуция второй фазы строительства – она не слишком отстояла во времени от первой (менее 100 лет). Анализ керамического комплекса не выявил классической алакульской посуды, более того, установлено, что по ряду показателей срубная составляющая коллекции должна быть соотнесена с ранней частью этой общности. Наконец, финал бронзового века представлен лишь несколькими фрагментами керамики. Поселения этого периода нередко имеют слабо насыщенный культурный слой, однако в данном случае причиной может быть и сознательный отказ от изучения наиболее крупных и глубоких котлованов, частично разрушивших фортификационные системы и застройку раннего периода.

Завершен подсчет всех серий датировок указанного региона. В результате можно констатировать, что из более чем двух десятков культур и культурных типов опорными могут быть признаны только ямная (без учета керамических дат), синташтинская, ранняя срубная, срубная и бархатовская. Для петровских и алакульских древностей проблема не может быть решена простым накоплением результатов анализов, так как формально эти серии уже достаточны, но крайне противоречивы. Необходим качественно новый уровень датирования, который частично обеспечен работами на Лисаковских могильниках [Панюшкина, 2013]. Полученные за счет сочетания дендрохронологии и ^{14}C результаты позволили установить хронологический приоритет алакульских материалов над алакульско-федоровскими и определить длительность функционирования могильников. Эти и другие датировки последнего десятилетия, выполненные в зарубежных лабораториях, четко указывают на XVIII–XVI вв. до н. э., чему прямо противоречат большие серии бензольных дат двух отечественных лабораторий.

Основные компоненты андроновско-срубной общности (федоровские, алакульские,

коптяковские, черкаскульские) от Предуралья до Барабинской лесостепи датируются в рамках XIX/XVIII–XV вв. до н. э. Большой разброс хронологии коптяковской культуры (XXII–XIV вв. до н. э.) свидетельствует о явной недостаточности дат.

Хронология культур постандроновского времени (ирменная, 1 этап бархатовской) Зауралья и Барабинской лесостепи находится в пределах XIV–XII/X вв. до н. э. В рамках X–IX/VIII вв. до н. э. датируются комплексы и культуры Зауралья и Барабинской лесостепи (2 этап бархатовской, позднеирменная, барабинский вариант сузгунской, атлымская, красноозерская).

Продолжена работа по сбору фактических материалов для периодов, мало обеспеченных данными. Наиболее ярким примером такого рода являются памятники переходного времени от бронзового к железному веку в степной зоне, которые, в целом, синхронны позднеирменским. Эти немногочисленные пока комплексы рассмотрены на широком фоне, включающем подробный анализ достижений палеоклиматологии. Для степной зоны Зауралья установлено принципиальное отличие белоключевского этапа (синхронного ирменским древностям) от памятников перехода к раннему железному веку. Для ранее намеченных блоков синхронных культур бронзового века к настоящему времени скорректированы хронологические рубежи.

Другим направлением изучения являлись системы коммуникаций бронзового века, многообразие которых разделено по масштабу на локальный, региональный и надрегиональный «глобальный» уровни. Установлено, что каждый из периодов характеризуется своим набором связей, реконструируемых с разной степенью достоверности. Стимулы их поддержания также варьируют очень существенно. На этом этапе изучались в основном следы коммуникаций регионального и глобального масштаба. Первый – в значительной степени стимулирован неравномерностью распространения ресурсов (например, месторождений меди и золота), второй – более ориентирован на социальные потребности элиты. Для периода, близкого к рубежу III–II тыс. до н. э., хорошо прослеживаются дальнедистанционные и разнонаправленные контакты и заимствования в технологической и идеологической сфере.

Установлена существенная разница в понимании процессов эволюции природной среды для территории Урала и Западной Сибири. Более контрастно выглядят палео-экологические реконструкции для периода рубежа суббореала и субатлантика (финал бронзового века – начало РЖВ). Аридизация значительно острее проявлялась в степной зоне, что послужило стимулом для миграций и изменения направления культурных связей как минимум дважды в течение эпохи бронзы. Экономические аспекты изучались на примере анализа конкретных категорий находок: серпы, плавильные чаши, наконечники стрел. Если первая категория получила широкое распространение в пространстве и времени, то две другие – остались на уровне локальных традиций. Плавильные чаши из камня в большинстве культур были замещены керамическими аналогами, а металлические наконечники стрел так и не вытеснили каменные и костяные изделия. На характер экономической активности, наряду с факторами объема и доступности ресурсов, влияли и социальные.

Блок 3 был посвящен изучению обществ бронзового и раннего железного веков на Урале и в Западной Сибири.

В этих рамках продолжено обобщение представлений о сущности идентичности в отечественной и зарубежной литературе. В частности, адаптировались подходы и методы анализа археологических данных и реконструкции индивидуальной и коллективной идентичности в древности, разработанные мировой наукой. Анализ материалов бронзового и раннего железного веков проводился по таким направлениям, как археология возраста и гендера. Интрамуральные погребения являются редким феноменом на поселениях бронзового века Зауралья. Анализ и интерпретация материала позволили предложить несколько объяснительных моделей, одна из которых связана с культом плодородия и предков, а другая – с внутрисемейными и сентиментальными аспектами жизни людей эпохи бронзы [Виноградов, Берсенева, 2013].

В рамках исследований, связанных с археологией детства, анализировались детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н. э.). Исследование позволило выделить две социально-значимые возрастные группы не взрослых: от 0 до 5 лет и от 5 до 18 лет. Первая характеризу-

ется абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного инвентаря. Вторая группа отражает процесс гендерной и возрастной социализации, так как доля гендерно-стереотипных наборов достигает в этой категории 56 %. Исследование, как представляется, показало принципиальную возможность изучения социализации детей по археологическим данным. Судя по всему, этот процесс завершался к 15–18 годам формированием взрослого индивида, тем самым обеспечивая преемственность социальных норм, военных навыков и хозяйственных умений и в конечном счете жизнеспособность социального организма [Берсенева, Гильмитдинова, 2013].

Захоронения представителей старшей возрастной группы были рассмотрены на примере памятников саргатской культуры РЖВ Зауралья и Западной Сибири. В результате исследования стало возможным заключить, что возрастная когорта старших не имела повышенного социального статуса, связанного с возрастом, но, очевидно, и не была ущемлена в своих правах в связи с этим обстоятельством. От 40 до 60 % умерших старшей возрастной группы хоронились в центре кургана, что можно рассматривать как признак их высокого статуса. Наличие предметов вооружения в мужских погребениях, а украшений – в женских, свидетельствует о том, что данная группа не теряла с возрастом и своей гендерной идентичности [Берсенева, 2013].

С целью выработки моделей разных вариантов межкультурной коммуникации и ее отражения в археологических источниках, реконструкции основных форм социальной эволюции и влияния на этот процесс внутренних и внешних факторов изучены структуры поселенческих комплексов эпохи ранней бронзы и пополнена коллекция артефактов. Впервые для территории Барабы изучен поселенческий памятник одиновской культуры Старый Тартас-5 с различными по конструкции строениями (с котлованом и наземными сооружениями). На основе сравнения жилых и хозяйственных построек, особенностей организации межжилищного пространства сделан вывод о сезонном характере поселения.

Подтверждается и обосновывается выдвинутая ранее точка зрения о более холодном и увлажненном климате во времена функционирования поселений одиновской

культуры, чем в наши дни. Современное топографическое расположение памятника Старый Тартас-5 вдали от источника воды свидетельствует о существовании в древности недалеко от поселения исчезнувшего гидрологического объекта (старое русло, озеро?). В пользу этого также говорят геоморфологическая специфика процессов почвообразования на памятнике, сведения по палеоклиматологии, полученные для изучаемой территории, а также своеобразие изломов фрагментов сосудов из нижних горизонтов с большой степенью ожелезненности. Возможно, этим объясняется большое количество очагов, которые, вероятно, служили помимо своих основных функций и для обогрева рабочих площадок на территории поселения.

Обсуждается три этапа заселения памятника на основе изучения стратиграфического распределения артефактов, обнаруженных на поселении.

В керамическом комплексе выделяются три группы: небольшая коллекция керамики с чертами посуды Средневековья; основная масса находок – изделия одиновской культуры; небольшая коллекция посуды относится к неолиту (изделия из ям объекта 31 в жилищной конструкции № 2, а также фрагменты из культурного слоя). Присутствует также небольшая группа изделий, орнаментация которых позволяет маркировать их или концом неолита, или началом эпохи палеометалла. Керамика Средневековья обнаружена только в двух объектах в верхнем горизонте культурного слоя.

Основная часть керамики несет в себе черты классической одиновской традиции – орнамент по всей площади сосуда, включая дно. Это отпечатки гребенки в сочетании с рядами ямок; выделяется горизонтальное и вертикальное построение орнаментальных зон. Зафиксирована специфика изготовления сосудов одиновской культуры. Часть из них, вероятно, формовалась на основе с прокладкой, о чем свидетельствуют характерные довольно четкие отпечатки текстиля на внутренней поверхности сосудов. Керамика из ям объекта 31 эпохи неолита орнаментирована отступающей техникой, волной и семечковидными ямками. Выявлено одно доннышко приостренной формы.

Основным материалом для орудийного набора служил камень. В условиях отсутствия местного сырья его петрографическое

изучение дает сведения для реконструкции путей доставки камня. Судя по следам обработки и наличию крупных галек и нуклеусов, на поселение приносили исходное сырье, и изготовление орудий осуществлялось уже на месте. Однако использование каменных артефактов до полной сработанности, а также следы утилитарной ретуши на обычных обломках и большинстве отщепов свидетельствуют о ценности каменного сырья. Так, размеры скребков варьируют от 6 до 1 см в диаметре. Также велика доля многофункциональных комбинированных орудий, маргиналы которых использовались для различных функций (проколки, скребки, скобели, ножи). Помимо типичной микроиндустрии встречаются также достаточно крупные массивные пластинчатые отщепы, использовавшиеся в качестве скребел. Видовое и морфологическое разнообразие каменных артефактов свидетельствует о многоплановой производственно-хозяйственной деятельности населения.

Рассмотрен вопрос о функциях очажных устройств, выделенных на памятнике Старый Тартас-5. Набор функций, для выполнения которых сооружался очаг той или иной конструкции, достаточно широк. Это обогрев, освещение, приготовление пищи, производственные операции по обработке камня, кости, металла, дерева, керамики, кожи и пр. Интерпретация функционального назначения очагов затруднена: во-первых, большинство устройств были многофункциональными; во-вторых, археологически фиксируются только косвенные признаки некоторых функций. Очаги для освещения и обогрева рабочей площадки не требуют никаких дополнительных элементов, поэтому каждое устройство могло выполнять эти функции. В случае приготовления пищи в заполнении очага могут встречаться фрагменты керамической посуды, следы пищи. Надежным свидетельством кулинарной функции также можно считать околоочажные ямки от жердей для подвешивания или установки емкостей для приготовления еды. Соответственно, для приготовления пищи на поселении Старый Тартас-5 могли использоваться все обнаруженные очажные устройства. Специализированные очаги, как правило, выделяются по наличию в заполнении следов производства (керамический брак, льячки, литейные формы, шлаки, крицы, капли металла и т. д.). В одном из изу-

ченных очагов и рядом с ним обнаружены фрагменты литейных форм, а также глиняное сопло, что свидетельствует об использовании этого устройства в бронзолитейном производстве. Вокруг другого очага зафиксированы следы вторичной обработки каменных орудий в виде многочисленных осколков и чешуек. Вероятно, здесь располагалась рабочая площадка для расщепления камня.

Выделены специализированные хозяйственные зоны, расположенные вокруг очажных устройств. Подтверждено наличие собственного металлургического производства у носителей одиновской культуры. Впервые зафиксировано использование при эксплуатации очажного устройства фрагментов керамического сосуда в качестве экрана. Апробирован метод картирования магнитной восприимчивости для исследования очажных устройств. Результаты сравнения полученной карты, стратиграфических и планиграфических наблюдений позволили выделить разные по мощности, интенсивности и длительности функционирования очажные устройства в рамках одного поселения, что подтверждает предположение о разнообразных функциях очажных устройств.

Помимо своего утилитарного назначения, очаг служил особым семантическим центром, о чем свидетельствуют следы преднамеренных действий ритуального характера, обнаруженные в процессе изучения очажных устройств. В одном случае на дне очага под глиняной обмазкой был зафиксирован костяной наконечник стрелы. На дне другого очага, на уровне глиняной обмазки, была найдена нижняя челюсть животного, относящегося к роду *Canis*. Стратиграфическое расположение артефактов позволяет отметить, что они были помещены туда в момент сооружения очажных устройств.

Изучение жилищ кротовской культуры проводилось на памятнике Венгерово-2, где полностью исследовано четыре жилых комплекса, три котлована – частично, а также значительная часть межжилищного пространства.

Выявлена трехрядная структура организации поселка и особенности конструкций. Жилые комплексы подпрямоугольной формы располагались параллельными рядами вдоль края второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас. Размещение поселений на первой или второй надпойменной

террасе является в целом характерным признаком для кротовских памятников [Матющенко, 1995. С. 126]. В Барабинской лесостепи размещение поселений кротовской культуры (Преображенка-3, Абрамово-10, Венгерово-2) на второй надпойменной террасе Оми и Тартаса в значительном удалении от современного русла (более километра) неоспоримо свидетельствует о сильнейшем обводнении региона и, следовательно, о влажном и холодном климате в западносибирской лесостепи во второй половине III тыс. до н. э.

Часть западин первого ряда, ближнего к террасе, была практически уничтожена в процессе антропогенного воздействия (строительство дороги, прокладка оптоволоконной линии и противопожарной полосы). Второй ряд состоит из 10 визуально фиксируемых котлованов. Расстояние между ними варьирует от 2 до 4 м. Жилища третьего ряда расположены реже, их западины плохо заметны на современной дневной поверхности. С северо-западной стороны пространство между первым и вторым рядами замыкается двумя западинами, ориентированными перпендикулярно остальным жилищам. Прилегающий к нему второй ряд котлованов немного закругляется, что заметно по ориентации исследованных жилищ. Судить об аналогиях подобной уличной планировки поселения сложно по причине отсутствия изученных сплошными площадями комплексов. Но следует отметить, что для эпохи ранней бронзы известна круговая организация жилищ, ярким примером которой являются ташковские поселения [Ковалева, 1997. С. 15; Ковалева и др., 2000. С. 24–25].

На основе анализа планиграфического распределения находок за пределами котлованов в межжилищном пространстве определена активная хозяйственная, производственная, а возможно, и ритуальная деятельность на площади поселка. Плотность залегания фрагментов керамики на одном квадратном метре в среднем превышает 40 единиц. Встречаются развалы сосудов и скопления керамики. О ритуальном характере, возможно, свидетельствуют находки за пределами жилищ целых форм. Обнаруженные ямы с костями животных можно интерпретировать как хозяйственные. Прокалы, зафиксированные в межжилищном пространстве, относятся как к простым летним

очагам, так и к сложным устройствам, связанным с бронзолитейным производством (например, яма для выжигания угля).

Изучены котлованы жилищ и выявлен новый способ организации жилого пространства – конструкции типа навеса, пристроенной к северной стене жилища (№ 3) или западной (№ 5). Расположение на этой площадке прокалов, а также высокая концентрация находок свидетельствуют о хозяйственном назначении пристроек. Возможно, они использовались в теплое время года.

Изучена внутренняя структура жилого пространства. Обнаружено, что она определялась центральным месторасположением очага. В жилищах поселения Венгерово-2 очажные устройства представляли собой подпрямоугольные ямы размерами 2,1–1,6 × 0,7–0,5 м. Они служили как для обогрева и освещения помещения, приготовления пищи, так и для производственных операций, в том числе связанных с литьем бронзы.

Особенностью жилищ кротовской культуры поселения Венгерово-2 являются ямы подовальной формы, сооруженные вплотную к стенам котлованов, частично нарушая последние (до 4 ям в одном жилище). Состав находок (кости животных, рыб, фрагменты керамики), а также конструктивные особенности позволяют интерпретировать их как погребя-кладовые. Подобные ниши-кладовки для припасов известны в приуральских жилищах эпохи развитой бронзы [Черных, 2010. С. 63].

Выделены три основные хозяйственно-производственные зоны на территории жилищ. Одна из них связана с очагом и околоочажным пространством. Вторая зона располагалась в северо-западном углу жилища и связана (по анализу находок) с бронзолитейным производством. К этой зоне в равной степени относится очаг. Третья зона выделяется в юго-восточном углу (или в юго-западном), у входа. Она определяется по большому скоплению крупных фрагментов тулова от разных керамических сосудов, которые, вероятно, являлись заготовками для керамических орудий (скребков, абразивов, «фишек», лоцил). Эта зона интерпретируется как место вторичной обработки керамики. Исходя из функционального назначения изделий из фрагментов сосудов, в жилище № 3 участок, возможно, был связан

с кожевым производством. Относительно пустые зоны у северо-восточного и юго-западного углов котлованов могли быть заняты нарами, причем место у входа, судя по содержанию инвентаря, вероятно, предназначалось для женщин, а дальше, за очагом – для мужчин, что в целом, соответствует традиционной структуре организации внутреннего пространства жилищ у коренных народов Западной Сибири [Лукина, Бардина, 1994. С. 50–51].

С целью реконструкции динамики культурогенетических и социальных процессов на территории Западной Сибири, исследования направлений и форм миграций и взаимодействия внутри культурно-исторических общностей изучены составляющие керамических комплексов памятников эпохи палеометалла.

Завершено мультидисциплинарное изучение керамических комплексов переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной части Западной Сибири. Определены главные составляющие базовых археологических памятников переходного времени от эпохи бронзы к РЖВ, традиции поздней ирменской культуры. Для разных регионов и памятников инокультурными выступают носители различных традиций: для городища Чича-1 – берликовской, красноозерской, сузгунской, атлымской; городища Завьялово-5 – молчановской; поселения Линево-1 – молчановской, самоделькинской.

Выявлено различное соотношение составляющих «местная – пришлая» группа даже на разных участках памятников и для разных жилищ. Для поселения Линево-1 обнаружена ситуация полного преобладания местного компонента. Следует подчеркнуть, что для данного памятника характерно сохранение в керамической традиции большой доли древнего, ирменского компонента.

Для городища Завьялово-5 зафиксировано, что во всех строениях преобладает керамика поздней ирменской группы, ее доля колеблется от 72,4 до 86,6 %.

Отмечено, что керамика групп, преобладающих на памятниках (Чича-1 – поздней ирменская-красноозерская-берликовская, Завьялово-5 – поздней ирменская-молчановская, Линево-1 – ирменско-поздней ирменская-молчановская), была вовлечена в сходные, по сути, производственные процессы.

Выявлено наличие синкретичной керамики, сочетающей на одном сосуде тради-

ции формообразования и орнаментации основных выделяемых групп. Доля синкретичной керамики на городище Завьялово-5 больше, а на поселении Линево-1 – меньше, чем на других аналогично изученных синхронных памятниках. Различны и составляющие синкретичных комплексов.

Таким образом, в лесостепных районах Западной Сибири вследствие общей тенденции социально-экономического развития и специфики эколого-ландшафтных условий происходила широкая интеграция культурных и производственных традиций больших групп населения. Фиксируются значительные взаимные перемещения в лесостепь и из нее, как с севера на юг из лесной и таежной зон, так и с юга на север из степных районов Северного Казахстана в лесостепь. Миграционными процессами также были затронуты западные и восточные районы региона; это выражалось в проникновении из Прииртышья в Барабу носителей красноозерской культуры, а в Приобье – групп мигрантов-носителей самоделькинского типа керамики из Восточной Сибири. Все это привело к значительным сдвигам в социально-экономической, культурной сфере и возникновению поликультурных центров типа Чича-1.

В рамках работы над проектом осуществлен сбор материалов по исследованию проблемы подхода к изучению форм сосудов – весьма малоизученной темы (в конце прошлого – начале нынешнего века этой проблеме посвящены, по сути, только работы А. А. Бобринского [1986; 1988] и Ю. Б. Цетлина [2012]). Проведена апробация распространенных методик для изучения форм на примере одного и того же материала.

Керамические комплексы памятников переходного времени от бронзы к РЖВ были просчитаны по Программе В. Ф. Генинга [1973; 1992]. Произведена унификация таблиц результатов определения указателей форм сосудов. При таком способе демонстрации результатов достаточно четко видны позиции каждого объекта (сосуда) по отношению к другим; выводы о стандартности или разнородности керамического комплекса подкрепляются статистическими данными. Анализ показал большую схожесть коллекций, разнообразие ассортимента при выделении некоторых нюансов, характерных для памятников, а не регионов. Те же результаты демонстрируют сравнения

основных пропорций сосудов [Русанова, 1973].

Большинство изделий приземистые. Разнообразие, характерное для всех памятников, отмечено для профилировки и высоты горловины. В подавляющем большинстве случаев максимальный диаметр тулова располагается у венчика и верхней части тулова. При этом большая часть изделий имеет закрытый контур (до 90 %). При использовании методики работы с экстремальными точками Х. Нордстрема [Nordström, 1972] созданы «портреты» «идеального сосуда» культур, выявлены направления изменения морфологии изделий, а также их ассортимент. Выделены классы форм по общей пропорциональности сосудов (на примере методики А. А. Бобринского), зафиксированы «привычные формы» и «формы-подражания» [Цетлин, 2012. С. 162. Рис. 70].

В рамках проекта изучен и проанализирован, с точки зрения современных методологических подходов, большой объем литературы XX–XXI вв., посвященный изучению керамики саргатской культуры. В ходе работы прослежены изменения отношения к керамике, как к археологическому источнику, появление и использование новых информативных способов ее изучения. Выявлено, что в настоящее время в изучении керамики саргатской культуры намечается активное применение историко-культурного подхода. Методы естественных наук, в связи с их трудоемкостью и специальной материально-технической базой, повсеместно не используются. Отмечено, что на нынешнем этапе развития западносибирской археологии применительно к изучению такого крупного явления, как саргатская культура, достаточно остро стоят вопросы, связанные с проблемой ее генезиса и взаимодействия носителей с внешним миром. Очевидно, что их практически невозможно решить без специального рассмотрения керамического материала.

Проведена работа по обобщению и систематизации состава формовочных масс керамики саргатской культуры памятников Урала и Западной Сибири. Помимо традиционного бинокулярного исследования использованы данные петрографического анализа керамики с памятников Барабинской лесостепи, Прииртышья и Притоболья. Керамика Зауралья рассматривалась на примере материалов Павлинова городища, результаты которых опубликованы.

Установлено, что в процессе изготовления керамики саргатское население использовало местные глины. Распространенной примесью в формовочные массы изделий восточного ареала является шамот, для западного – песок. Органические примеси в формовочных массах широко использовались гончарами Барабинской лесостепи и в меньшей – мастерами других регионов. У гончаров Притоболья (Коловское, Рафаиловское городища) из-за длительных контактов с населением гороховской культуры к концу I тыс. до н. э. появилась традиция добавлять в гончарное тесто тальк. Практика добавления в тесто дробленной кости зафиксирована в Притоболье и Зауралье (Западный ареал). Скорее всего, она имеет южное (среднеазиатское) происхождение и может быть связана с инфильтрацией новых инкультурных групп населения на север, в лесостепь. В коллекциях преобладают образцы с «традиционными» примесями (песок, органика). Рецепт формовочных масс с этими добавками можно назвать устойчивым на протяжении всего времени бытования саргатской культуры. «Импортная» керамическая посуда по составу теста имеет значительные отличия от «местной».

Таким образом, состав формовочных масс керамики является одним из примеров культурной адаптации к природным условиям Западной Сибири, отражая региональные и локальные черты гончарных традиций саргатской культуры, а также проявления изменчивости, связанные с процессами миграции и инфильтрации.

В рамках блока 4 изучалась персональная и групповая идентичность в обществах эпохи палеометалла.

Так, впервые для эпохи развитой бронзы лесостепи Западной Сибири выявлены свидетельства сложившегося обряда «медвежьего праздника».

Анализ погребальной обрядности населения предгорной зоны Южной Сибири (могильник Заречное-1) – контактной между носителями андроновской (федоровской) пришлой культуры и культурами местных племен (пока не идентифицированных в археологическом плане), выявил наличие археологически зафиксированных комплексов со следами жертвоприношений в виде ям с остеологическими находками. Эти материалы позволили сделать ряд выводов. Так, они констатируют, что данный тип погребально-

поминального комплекса относится к андроновской эпохе, демонстрируя достаточно осязаемую социальную дифференциацию среди андроновского населения. Установлен факт сохранения традиционной, присущей культуре, индоиранской составляющей мировоззрения, несмотря на изменения в этнокультурном окружении и, очевидно, образе жизни. Зафиксировано мощное заимствование андроновским населением местных лесостепных и таежных пластов мировоззренческих установок. В системе сложившегося мировоззрения отмечен пласт, имеющий таежные корни – в виде отправления культов, близких к «медвежьему празднику», причем восточного (амуро-сахалинского) типа. Есть основания предполагать, что этот тип, сохранившийся ныне только на Амуре и Сахалине, ранее имел широкие границы бытования, обеспечиваемые в значительной степени оседлым образом жизни местного населения. Реликты данного праздника этнографически зафиксированы в таежной полосе Западной Сибири. Вместе с тем их характер сегодня отличен, что, видимо, связано с подвижным образом жизни западно-сибирских аборигенов – это не давало им возможности использовать сценарий обряда с выращиванием медведя (т. е. в восточном варианте).

Одним из результатов исследований на Алтае стало выделение совокупности признаков, маркирующих святилище. При классификации памятников необходимо учитывать весь комплекс выявленных признаков, что даст возможность типологически интерпретировать спорные археологические объекты более доказательно и достоверно. Сочетание всех или части перечисленных признаков в археологическом петроглифическом комплексе позволяет называть памятники такого рода не поселенческими, а сакральными объектами.

В рамках проблематики проекта проведены работы по изучению сакральной сферы эпохи железа – объектов, сожженных в ходе исполнения ритуала. Сделан анализ совокупности данных, полученных в процессе археологических исследований, определены классификационные характеристики выявленных материалов. В их основу легли различия в сложности архитектурного устройства обрядовых сооружений: от самых простых к требующим больших сил и материальных затрат в процессе своего возведе-

ния конструкциям с крышами в виде наклонных навесов и, наконец, к срубным постройкам с вертикальными или наклонными стенками. Все эти постройки обнаруживают несомненное типологическое сходство с жилыми помещениями, известными с раннего железного века и до недавнего времени использовавшимися в системе традиционного жизнеобеспечения аборигенного населения предтаежного и таежного Обь-Иртышья. Конструктивные особенности такого рода сооружений определенно находят свои истоки в традициях поселенческого домостроительства бронзового века. Выявленная изменчивость исследованных культовых комплексов с большой долей уверенности может быть связана с социальными факторами и экономическими возможностями соорудивших их групп населения. Поскольку подобные сооружения можно считать строго персонифицированными, т. е. связанными с ритуальной практикой, отражающей серию обрядовых действий заупокойного цикла, социальный аспект проявляется здесь достаточно акцентировано. Дальнейшее развитие таких объектов связано с изменениями в их местоположении – переносе от некрополей к окраинам поселений, а по мере развития военно-потестарной организации – в отказе от предания построек огню и сохранения их в качестве самостоятельных «модулей» как мест пребывания почитаемых духов-предков и их изображений, со всеми полагающимися им прикладами и приношениями. В этом видится процесс превращения построек в святилища, сакральные prerогативы хозяина которых выходят за рамки личного патронажа небольшой группой родственников и приобретают территориальный масштаб.

В рамках данного блока исследований проведена также реконструкция устройства культовых комплексов на территории некрополей эпохи железа, сожженных в ходе исполнения ритуала. Это осуществлено с целью выяснения возможных связей с многочисленными следами использования огня в погребальной практике саргатской культуры и поиска ответов на вопросы о смысле содержания таких ритуалов.

В ходе реализации проекта проведено изучение женских погребений Притоболья и осуществлены сравнения погребального контекста с данными антропологического исследова-

ния, что стало продолжением изысканий по биоархеологии населения саргатской общности [Ражев, 2009; Шарапова, 2012б; Шарапова, Ражев, 2013]. Новые результаты значительно корректируют гипотезу о существовании в саргатском обществе вооруженной группы всадниц или задействованности женщин в военном деле [Берсенева, 2013; Матвеева, 2000. С. 189]. Так, исследования кинематических схем физической активности саргатского населения (что может рассматриваться в качестве прямого признака для подобных интерпретаций) не выявили статистически достоверных асимметрий с преобладанием правой стороны как в общесаргатской женской выборке [Ражев, 2009. С. 262], так, соответственно, и в притобольской локальной серии. Помимо этого, этнографические наблюдения показывают, что в таких коллективах доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности превышала мужскую [Кляшторный, 2005], а потребность в рабочих руках восполнялась за счет внутренних ресурсов [Першиц, 1994. С. 146–147].

Подводя общий итог исследований по проекту, можно сказать, что по результатам контекстуального и статистического анализа, проведенного в отношении конкретных материалов бронзового и раннего железного веков, даны оценки современного состояния историко-культурного подхода в археологических исследованиях в России и за рубежом. При этом проблема возникновения и длительного существования дальнедистанционных связей решалась на базе анализа памятников бронзового века и изучения ресурсной базы функционирования социумов. Полученные по всем направлениям выводы нашли отражение в публикациях различного характера, прошли детальную и многообразную апробацию в виде докладов на конференциях, в том числе международного уровня. В рамках проекта 11–14 ноября 2013 г. в Челябинске был организован и проведен Всероссийский научно-практический семинар «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)». В его работе приняли участие 25 ученых из различных городов России. Работа семинара и дискуссия, развернувшаяся на нем, продемонстрировали актуальность данной проблематики и полученных в ходе ее исследования результатов.

Список литературы

- Берсенева Н. А. Погребения людей старшей возрастной группы (саргатская культура) // РА. 2013. № 1. С. 22–29.
- Берсенева Н. А., Гильмитдинова А. Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н. э.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 36–44.
- Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 137–157.
- Бобринский А. А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 5–21.
- Виноградов Н. Б., Берсенева Н. А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н. э. (в Южном Зауралье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3. С. 59–67.
- Генинг В. Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев: Наук. думка, 1992. 188 с.
- Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–35.
- Клейн Л. С. История археологической мысли: В 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. Т. 1. 688 с.
- Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель / Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 7–80.
- Ковалева В. Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково-2. Екатеринбург, 1997. 132 с.
- Ковалева В. Т., Рыжкова О. В., Шаманов А. В. Ташковская культура: поселение Андреевское Озеро XIII. Екатеринбург, 2000. 160 с.
- Кон И. С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 605 с.
- Лукина Н. В., Бардина П. Е. Постройки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. 1, кн. 2. С. 32–90.
- Матвеева Н. П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 398 с.
- Матющенко В. И. Поселенческие комплексы доандроновского времени лесостепного Обь-Иртышья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 1, кн. 1. С. 124–131.
- Панюшкина И. П. Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Под ред. Э. Р. Усмановой. Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 196–204.
- Периц А. И. Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы / Периц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. 2, ч. 3. С. 129–231.
- Ражев Д. И. Биоантропология саргатской общности. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2009. 492 с.
- Русанова И. П. Славянские древности VI–IX вв. между Днестром и Западным Бугом // САИ. М.: Изд-во АН СССР, 1973. Вып. Е-1–25. 240 с.
- Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М.: Высш. шк., 1978. 352 с.
- Фробениус Л. Детство человечества. Первобытная культура аборигенов Африки и Америки: Пер. с нем. 2-е изд. М.: Либроком, 2012. 376 с.
- Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. 384 с.
- Черных Е. М. У истоков уральского домостроительства: древние и средневековые жилища Прикамья. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 160 с.
- Шарапова С. В. Социокультурная идентичность и возможности в интерпретации древней материальной культуры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012а. Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. С. 103–112.
- Шарапова С. В. Маркеры социальной идентичности: биоархеологический аспект // Человек и Север: Антропология, археология и экология: Материалы Всерос. конф., 26–30 марта 2012 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012б. Вып. 2. С. 65–68.
- Шарапова С. В., Ражев Д. И. Биоархеология черепных травм саргатского населения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 143–154.

Chairkina N. M., Kuzmin Y. V., Burr G. S. Chronology of the Perishables: First AMS 14C Dates of Wooden Artifacts from Aeneolithic-Bronze Age Waterlogged Sites in the Trans-Urals, Russia // *Antiquity*. 2013. Vol. 87. No. 336. P. 418–429.

Childe G. *The Danube in Prehistory*. Oxford: Clarendon Press, 1929. 479 p.

Clarke D. L. *Analytical Archaeology*. L.: Methuen, 1968. 684 p.

Clarke D. L. Models and Paradigms in Contemporary Archaeology // *Models in Archaeology*. L.: Methuen & Co. Ltd. 1972. P. 1–108.

Knudson K. J., Stojanowski C. M. New Directions in Bioarchaeology: Recent Contributions to the Study of Human Social Identities // *Journal of Archaeological Research*. 2008. No. 16. P. 397–432.

Kossinna G. *Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie*. Leipzig: Curt Kabitzsch Verlag, 1911. 30 S.

Larsen C. S. *Bioarchaeology: Interpreting Behaviour from the Human Skeleton*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 462 p.

Lewandowsky S., Stritzke W. G. K., Freund A. M., Oberauer K., Krueger J. I. Misinformation, Disinformation, and Violent Conflict: From Iraq and the «War on Terror» to Future Threats to Peace // *American Psychologist*. 2013. Vol. 68 (7). P. 487–501.

Nordström H. A. *Cultural Ecology auf Ceramic Technology*. Stockholm: Б/и, 1972. 200 p.

Ratzel F. *Anthropogeographie: oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte*. Stuttgart: J. Engelhorn, 1912. 605 S.

Zuckerman M., Armelagos G. *The Origins of Biocultural Dimensions in Bioarchaeology // Social Bioarchaeology*. 2011. P. 15–43.

Материал поступил в редколлегию 11.01.2014

V. I. Molodin^{1,2}, L. N. Koryakova³, L. N. Myl'nikova^{1,2}, A. V. Epimakhov³

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

³ Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS
56 R. Luxemburg Str., Ekaterinburg, 620026, Russian Federation

Molodin@archaeology.nsc.ru; Ludmila.koryakova@usu.ru;
Myl'nikova@archaeology.nsc.ru; Eav74@Rambler.Ru

COMPLEX PROJECTS «CULTURE, SOCIETY AND HUMAN IN THE PALEOMETAL ERA (URALS AND WESTERN SIBERIA)»

Purpose: The article describes the main results obtained by a team of two Institutes: Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), Institute of History and Archaeology (Urals Branch of the Russian Academy of Sciences), to implement the project within the framework of fundamental research carried out in collaboration with organizations of the SB, Far East Branch (Russian Academy of Sciences), State Academies of Russia, National Academy of Sciences of the Commonwealth of Independent States and funded from the SB and UB in 2012–2013. The prime objective of the research was reconstruction cultural dynamics, genetic and social processes in the Urals and Western Siberia, to study directions and forms of migration, interactions within the cultural and historical communities in the Paleometal era. The work is based on the results of a multidisciplinary approach to the study of archaeological sources at all levels of his research. Field work was based on a comprehensive archaeological and geophysical program, which was successfully tested for a number of years of settlement and funerary significant site of Western Siberia, the Urals, the Russian and Mongolian Altai, as well as the study of significant site solid surface with the removal of the soil beyond the excavation site. Work on the project

was organized in blocks corresponding chronological periods, and local areas of the Ural-Siberian region: Culture and Society-ratio and reflected in the archaeological source, actors of cultural variability; Cultural-Genetic processes in the Urals and Western Siberia in the Paleometal era; Society of Bronze and Early Iron Ages in the Urals and Western Siberia; Personal and group identity in societies in the Paleometal era. During the project, the partners are in constant communication that allowed us to obtain specific scientific results.

Results: Theoretical and historiographical study concerned the current state of historical and cultural approach to the archaeological research in Russia and abroad. Contextual and statistical analysis was performed on specific materials the Bronze and the Early Iron Ages. The problem of the origin and prolonged existence of long-distance relationships is solved on the basis of analysis of Bronze Age sites and learning resource base functioning societies. The findings are reflected in the various publications and are presented as conference papers.

Conclusion: As part of the project was organized and conducted by the All-Russian research and practice seminar «Culture, society and the people in the Paleometal era (Ural and Western Siberia), 11–14 November 2013 in Chelyabinsk». It was attended by 25 scientists from different cities of Russia. The seminar and discussion that took place on it demonstrated the relevance of this problem and received during her research results. Some of the reports have been prepared for publication in this issue.

Keywords: Ural, Western Siberia, Bronze Age, Early Iron Age, culture, people, society, settlements, funerary objects.

References

Berseneva N. A. Pogrebeniya lyudey starshei vozrastnoi gryuppy (sargatskaya kul'tura) [Burials People Older Age Group (Sargat Culture)]. *Rossiskaya arkheologiya* [Russian Archeology], 2013, no. 1, p. 22–29. (In Russ.)

Berseneva N. A., Gilmitdinova A. H. Detskie pogrebeniya rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (IV–II vv. do n. e.) [Baby Burial Early Nomads of the Southern Urals (IV-II Centuries BC)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013, no. 2 (21), p. 36–44. (In Russ.)

Bobrinskii A. A. O metodike izucheniya form glinyanoi posudy iz arkheologicheskikh raskopok [On the Methodology of Studying Forms of Pottery from Archaeological Excavations]. *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tsysacheletiya* [Culture of Eastern Europe I Goals], Kuibyshev, Kuibyshevskii pedagog. institute Publ., 1986, p. 137–157. (In Russ.)

Bobrinskii A. A. Funktsional'nye chasti v sostave emkosti glinyanoi posudy [Functional Parts Consisting of Pottery Vessels]. *Problemy izucheniya arkheologicheskoi keramiki* [Problems of Studying Archaeological Ceramics], Kuibyshev, Kuibyshevskii pedagog. institute Publ., 1988, p. 5–21. (In Russ.)

Vinogradov N. B., Berseneva N. A. Intramural'nye zakhoroneniya detei na poseleniyakh pervoi treti II tys. do n. e. (v Yuzhnom Zaural'e) [Intramural Burial of Children at the Settlements of the First Third of the II Millennium BC (in the Southern Trans-Urals)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2013, no. 3, p. 59–67. (In Russ.)

Gening V. F. *Drevnyaya keramika: metody i programmy issledovaniya v arkheologii* [A Ancient Ceramics: Methods and Programs for Research in Archeology]. Kiev, Nauk. Dumka Publ., 1992, 188 p. (In Russ.)

Gening V. F. Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok [Program of Statistical Processing of Ceramics from the Archaeological Site]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1973, no. 1, p. 114–135. (In Russ.)

Klein L. S. *Istoriya arheologicheskoi mysli* [History of Archaeological Thought], in 2 vol., St.-Petersburg, St.-Petersburg. Univ. Publ., 2011, vol. 1, 688 p. (In Russ.)

Klyashtorny S. G. Stepnye imperii: rozhdenie, triumf, gibel' [The Steppe Empire: Birth, Triumph, Death]. Klyashtorny S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [Steppe Empires

of *Ancient Eurasia*], St.-Petersburg, St.-Petersburg Faculty of Philology University Publ., 2005, p. 7–180. (In Russ.)

Kovaleva V. T. *Vzaimodeistvie kul'tur i etnosov po materialam arkheologii: poselenie Tashkovo-2* [The Interaction of Cultures and Ethnicities is Groups Based on Archaeology: Settlement Taschkovo-2]. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 1997, 132 p. (In Russ.)

Kovaleva V. T., Ryzhkova O. V., Shamanaev A. V. *Tashkovskaya kul'tura: poselenie Andreevskoe Ozero XIII* [Tashkovo Culture: Settlement Andreevskoe Ozero XIII]. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2000, 160 p. (In Russ.)

Kon I. S. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Seksologiya. Antropologiya* [Interdisciplinary Studies. Sociology, Psychology, Sexology, Anthropology]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2006, 605 p. (In Russ.)

Lukina N. V., Bardina P. E. Postroiiki [The Buildings]. *Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoi Sibiri. Poseleniya i zhilishcha* [Essays of Cultural Genesis Population of Western Siberia. Settlements and Dwellings], Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1994, vol. 1, book 2, p. 32–90. (In Russ.)

Matveeva N. P. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoi Sibiri v rannem zheleznom veke* [Socio-Economic Structure of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, 398 p. (In Russ.)

Matyushenko V. I. Poselencheskie komplekсы doandronovskogo vremeni lesostepnogo Ob'-Irtish'ya [Settlement Complexes to Andronovo Time Ob-Irtys Forest-Steppe]. *Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoi Sibiri. Poseleniya i zhilishcha* [Essays of Cultural Genesis Population of Western Siberia. Settlements and dwellings], Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1995, vol. 1, book 1, p. 124–131. (In Russ.)

Panyushkina I. P. Vozrast mogil'nikov epokhi bronzy Lisakovskoi okrug [Age of Burial Grounds of Bronze Age in Lisakovsk Area]. *Pamyatniki Lisakovskoi okrug: arkheologicheskie syuzhety* [Archaeological Objects in Lisakovsk Districts: Archaeological Subjects], Karaganda, Lisakovsk, Tengri Ltd Publ., 2013, p. 196–204. (In Russ.)

Pershits A. I. Voina i mir na poroge tsivilizatsii: kochevye skotovody [War and Peace on the Verge of Civilization: Nomadic Pastoralists]. Pershits A. I., Semenov Yu. I., Shnirel'man. V. A. *Voina i mir v rannei istorii chelovechestva* [War and Peace in the Early History of Mankind], Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology Publ., 1994, vol. 2, part 3, p. 129–231. (In Russ.)

Razhev D. I. *Bioantropologiya sargatskoi obshchnosti* [Bioanthropology the Sargat Community]. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., 2009, 492 p. (In Russ.)

Rusanova I. P. Slavyanskije drevnosti VI-IX vv. mezhdru Dneprom i Zapadnym Bugom [Slavic Antiquities VI-IX Centuries between the Dnieper and the Western Bug]. *SAI [Arch Archaeological Sources]*, Moscow, AN SSSR Publ., 1973, iss. E-1-25, 240 p. (In Russ.)

Tokarev S. A. *Istoriya zarubezhnoi etnografii* [History of Foreign Ethnography]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978, 352 p. (In Russ.)

Frobenius L. *Detstvo chelovechestva. Pervobytnaya kul'tura aborigenov Afriki i Ameriki, Pervod s nem., izd.2* [The Childhood of Mankind. Primitive Culture Aboriginal Africa and America, Translated from the German, ed. 2]. Moscow, Librokom Publ., 2012, 376 p. (In Russ.)

Tsetlin Yu. B. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda* [An Ancient Ceramics. A Theory and Methods of Historical-Cultural Approach]. Moscow, IA RAN Publ., 2012, 384 p. (In Russ.)

Chernykh E. M. *U istokov ural'skogo domostroitel'stva: drevnie i srednevekovye zhilishcha Prikam'ya* [At the Root of the Urals Homebuilding: Ancient and Medieval Dwellings in Kama Region]. Izhevsk, Udmurdsii Universitet Publ., 2010, 160 p. (In Russ.)

Sharapova S. V. Sotsiokulturnaya identichnost' i vozmozhnosti v interpretatsii drevnei materialnoi kultury [Sociocultural Identity and Opportunities in the Interpretation of Ancient Material Culture]. *Vestnik of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2012a, vol. 11, iss. 3: Archaeology and Ethnography*, p. 103–112. (In Russ.)

Sharapova S. V. Markery sotsialnoi identichnosti: bioarkheologicheskii aspekt [Markers of Social Identity: Bioarchaeological Aspect]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya i ekologiya: Mater. Vseros. konf., Tyumen, 26-30 marta, 2012 g., vip. 2* [Man and North: Anthropology, Archaeology and Environment: Proceedings of the All-Russian Conference. Tyumen, 26-30 March 2012, iss. 2], Tyumen', IPOS SO RAN Publ., 2012b, p. 65–68. (In Russ.)

Chairkina N. M., Kuz'min Y. V., Burr G. S. Chronology of the Perishables: First AMS 14C Dates of Wooden Artifacts from Aeneolithic-Bronze Age Waterlogged Sites in the Trans-Urals, Russia. *Antiquity*. 2013, vol. 87, no. 336, p. 418–429.

Childe G. *The Danube in Prehistory*. Oxford, Clarendon Press, 1929, 479 p.

Clarke D. L. *Analytical Archaeology*. London, Methuen, 1968, 684 p.

Clarke D. L. Models and Paradigms in Contemporary Archaeology. *Models in Archaeology*. London, Methuen&Co, LTD, 1972, p. 1–108.

Knudson K. J. & Stojanowski C. M. New Directions in Bioarchaeology: Recent Contributions to the Study of Human Social Identities. *Journal of Archaeological Research*. 2008, no. 16, p. 397–432.

Kossinna G. *Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie*. Würzburg, Kabitzsch, 1911, 30 S.

Larsen C. S. *Bioarchaeology: Interpreting Behaviour from the Human Skeleton*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1997, 462 p.

Lewandowsky S., Stritzke W. G. K., Freund A. M., Oberauer K., Krueger J. I. Misinformation, Disinformation, and Violent Conflict: From Iraq and the «War on Terror» to Future Threats to Peace. *American Psychologist*, 2013, vol. 68 (7), p. 487–501.

Nordström H. A. *Cultural Ecology auf ceramic technology*. Stockholm, 1972, 200 p.

Ratzel F. *Anthropogeographie: oder Grundzuge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte*. Stuttgart, J. Engelhorn, 1912, 605 S.

Zuckerman M., Armelagos G. The Origins of Biocultural Dimensions in Bioarchaeology. *Social Bioarchaeology*, 2011, p. 15–43.